

**ТИПОЛОГИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА
ВОЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ, ДНЕВНИКОВ, ПИСЕМ)**

М. Е. Разиньков

Воронежская государственная лесотехническая академия

Поступила в редакцию 12 февраля 2009 г.

Аннотация: в статье проанализированы типы военных лидеров Белого движения. Основным источниковым материалом послужили воспоминания участников Гражданской войны начала XX в. в России, некоторые дневники и письма. Автор указывает на существование в Белом движении следующих типов лидеров: «белые герои», «генералы-партизаны», «генералы-политики» и, отдельно, атаманы казачьих войск. При анализе используются также воспоминания деятелей Временного правительства и Красной Армии.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, лидеры, мемуары.

Abstract: in the article the author analyzes all types of military leaders of the White movement. The work is based on the memoirs, some diaries and letters of the members of Russian Civil War at the beginning of XX century. In the White movement the author points out some types of leaders: «white heroes», «Generals-partisans» and «Generals-politicians». The memoirs of members of Vremennoe Pravitelstvo (The Russian Provisional Government) and The Red Army are also analyzed in this work.

Key words: Civil War in Russia, White forces, leaders, memorials.

За последние 15 лет издано немало исследований, справочников, сборников документов, касающихся персоналий истории Белого движения. Вместе с тем очевидно, что изучение тематики Белого дела проходит в своем развитии, в основном, фазу сбора и первоначального осмысления материала. Многие авторы являются несомненными энтузиастами изучения антибольшевистских формирований и выступлений времен Гражданской войны и подчеркивают свой «пиетет» к руководителям Белого движения [1, с. 8]. Это вполне нормально, учитывая, что изучение Белого дела долгое время находилось под запретом, а доступные источники были скудными и критическими.

Данное исследование ставит своей целью выделить типы лидеров Белого движения и обозначить те характеристики, которые им давались современниками. Подобная работа уже проводилась мною, и результаты были представлены на конференции «Личность в истории. Личность историка» (Воронеж, 2008 г.) [2, с. 112—115]. Поэтому научная новизна статьи заключается в более пристальном внимании к составу источников, в который помимо воспоминаний участников Белого движе-

ния включены мемуары его военных противников, критиков, а также некоторые данные переписки.

Следует подчеркнуть, что основной массив используемых документов составили мемуары самих белых. Именно на основании таких мемуаров можно произвести доступную классификацию белых руководителей.

В то же время большинство характеристик исходят от тех людей, которые непосредственно знали белых вождей, разделяли белую идею. Поэтому характеристики эти, в основном, имеют позитивную окраску, ставят целью подчеркнуть достоинства лидеров Белого движения. Однако есть и негативные высказывания. Они исходят либо от личных противников (например, П. Н. Врангель и А. И. Деникин, А. П. Родзянко и Н. Н. Юденич), либо, и это закономерность, от работников правительственного аппарата, тыла. Еще одна группа негативных высказываний восходит непосредственно к красным, но реальные характеристики встречаются только у тех деятелей, которые действительно контактировали с будущими белыми (М. Д. Бонч-Бруевич, А. А. Брусилов, А. А. Самойло).

По личностным характеристикам и роли в Белом движении среди лидеров Белой борьбы можно выделить: «белых героев» («белых ры-

царей»), «генералов-партизан» и «генералов-политиков».

«Белые рыцари» — это генералы и полковники, непосредственно участвовавшие в боях и пользовавшиеся преданной любовью подчиненных. Среди них генералы М. Г. Дроздовский, С. Л. Марков, В. О. Каппель, полковник А. П. Ливен и др. Все они наделены чертами стойкости, преданности делу, личным героизмом.

Так, по отношению к Михаилу Гордеевичу Дроздовскому звучат эпитеты: «герой-рыцарь Добровольческой армии», «человек высокого патриотизма и твердый духом», «храбрый, решительный, упорный человек, большой патриот» [3, кн. 2, с. 323; 4, с. 232]. По определению Р. Э. фон Вирена, Дроздовский «был доблестный воин, монархист по убеждению, рыцарь по поступкам и непримиримый враг большевиков» [5, с. 517].

А. И. Деникин, давая развернутую оценку Ясского похода 1918 г. и роли в нем Дроздовского, отмечает, что после известия о смерти генерала Л. Г. Корнилова для участников похода «будущее опять заволочло зловещими тучами. Падала цель, казались напрасными все труды и лишения тысячеверстного похода... Но Дроздовский — мрачный, замкнутый, не любивший делиться своими надеждами и сомнениями с окружающими, твердо и решительно вел отряд вперед, напролом, руководствуясь не столько реальными данными, сколько верой и внутренним чувством» [3, с. 330].

Из материалов походного дневника Дроздовского видно, что этот человек едва сдерживал раздирающее его чувство мести и вел отряд вперед, несмотря на то, что надежды дойти почти не оставалось. Видя избитых, истерзанных офицеров, Дроздовский отмечает: «Внутри все заныло от желанья мести и злобы. Уже рисовались в воображении пожары... деревень (в которых находились люди, избитые офицеров. — М. Р.), поголовные расстрелы и столбы на месте кары с надписями, за что. Потом немного улеглось, постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть беспощадной: “два ока за око”! Пусть знают цену офицерской крови!» [6, с. 12].

В воспоминаниях и дневнике Дроздовский не только герой, но и человек довольно мрачный. Это его качество, наряду с замкнутостью, часто отмечается в мемуарах.

Героической фигурой Восточного фронта выступает Владимир Оскарович Каппель. Упомянув о нем, участники Белого движения

говорят о благородстве, чуждости политическим интригам, простоте общения с бойцами и постоянном пребывании на фронте. Он был любим солдатами: «весть о появлении Каппеля прошла по рядам нашей пехоты, как электрический ток. Все сразу оживилось. Оставив коня за рожицей, Каппель пошел вдоль цепей, шутил с солдатами, задавал им разные вопросы; все наперебой ему весело отвечали». «Рядовые говорили: “Каппель выведет нас даже из ада...”» [7, с. 362; 8, с. 127].

Смерть Каппеля от воспаления легких в январе 1920 г. «поразил» солдат и офицеров, «казалась бессмысленной, жестокой», «закаленные солдаты плакали, как малые дети», а «наша вера в победу... поколебалась». Очевидец отмечает: «Нельзя забыть, как толпа бойцов, не могущая попасть в церковь, где стоял гроб, упала на колени на улице, прямо на снег при пении “Вечная Память!”» [7, с. 183—184; 8, с. 130; 9, с. 101].

По словам полковника В. Вырыпаева, Каппель сравнивал революцию с мощным, неудержимым потоком, который необходимо было не останавливать, а направлять. Владимир Оскарович с сожалением отмечал, что участники Белого движения не хотели этого понять [7, с. 161]. Характерно, что, в отличие от убежденного монархиста М. Г. Дроздовского, В. О. Каппель придерживался более демократических взглядов, изначально вступив в Народную армию Комуча.

Каппеля часто называют «рыцарем-полководцем» белой идеи. П. П. Петров отмечал: «Как человек, он оставил память о себе, прежде всего, как о рыцаре. Рыцарски вежливый, простой, доступный, иногда даже застенчивый, выносливый, нетребовательный для себя» [10, с. 637]. О Владимире Оскаровиче говорили и как о талантливом кавалерийском военачальнике.

К группе «белых героев» следует отнести и Лавра Георгиевича Корнилова. Он, наряду с М. В. Алексеевым, является основоположником и вождем белой борьбы на юге России, при этом его образ в мемуарах носит ярко выраженные черты «белого рыцаря». Однако участие Корнилова в организации Белого движения позволяет отнести его и к группе «генералов-политиков», о которых будет сказано далее.

О Лавре Георгиевиче говорят как о человеке простом, искреннем, скромном, но в то же время храбром, энергичном, упорном, умелом организаторе воинских частей. Критика военных сосредотачивается, в основном, на его

конflikте с Алексеевым (информация об этом дается часто с оттенком сожаления) и на одержимости взять Екатеринодар [11, с. 224, 226; 12, с. 17, 99; 13, с. 171; 14, с. 183; 15, с. 36—37, 70]. Говоря о своих политических взглядах, Корнилов неоднократно демонстрировал республиканские симпатии. Одновременно он, как и большинство белых генералов, стремился поставить армию вне политики. По словам участника Ледяного похода С. М. Пауля, «разговоры на политические темы в армии при Корнилове не поднимались. Он сам являлся для нас олицетворением политики, духовным диктатором» [14, с. 183].

Подобная героическая харизма распространяется на большинство боевых генералов и полковников, старавшихся быть ближе к подчиненным, отличавшихся личным переживанием за Белое дело, бесстрашием, военным талантом (С. Л. Марков, А. П. Ливен, М. О. Неженцов, Д. Т. Миончинский, Н. С. Тимановский, В. М. Молчанов, Б. И. Казанович, В. К. Витковский, А. П. Кутепов, С. Г. Улагай, С. М. Топорков, Н. Г. Бабиев, А. К. Гусельщиков и др.). Оценка их не всегда однозначна. Попадая в поле зрения общественно-го мнения, действуя как каратели или страдая склонностью к грабежам, они получали часто нелестные характеристики, однако сохраняли при этом популярность в воюющих частях.

Следующая группа военачальников, которую можно выделить, — это «генералы-партизаны». Наиболее яркие из них: А. Г. Шкуро, В. Л. Покровский, К. К. Мамантов, С. Н. Булак-Балахович и Р. Ф. Унгерн фон Штернберг. Обладавшие яркой харизмой, личной храбростью, они совершали стремительные рейды по тылам противника или вообще старались действовать независимо. «Генералов-партизан» можно определить по излишней самостоятельности, приводившей к конфликтам и разрыву с белым командованием. К ним же относятся самые значительные обвинения в пьянстве и грабежах.

В качестве примеров приведем С. Н. Булак-Балаховича и А. Г. Шкуро. Отряд Станислава Никодимовича Булак-Балаховича действовал как часть Северо-Западной армии, а также совместно с эстонской и польской армиями. Как отмечал барон Г. Кистер, «Балахович был типом атамана гражданской войны. Люди его были хорошо вооружены, и он крепко держал их в своих руках. С точки зрения военной, его отряд был хорошо организованной силой» [16, с. 186]. Однако у дру-

гих авторов Балахович предстает как авантюрист, каратель, своевольный человек. Белые власти, вынужденные с ним сотрудничать, в мемуарах либо дают волю действительным чувствам, либо стараются оправдаться [17, с. 637; 18, с. 268, 270—273, 277; 19, с. 194; 20, с. 251]. Непосредственный участник боевых действий А. Гершельман говорит, что это «человек низкой нравственности, нечестный и в политике оппортунист, он жесток, любит расстреливать собственноручно, не жалея в случае проступка и своих людей. Он весьма склонен к грабежу, но здесь на это смотрят снисходительно» [21, с. 331—332].

Другой партизан, Андрей Григорьевич Шкуро, предстает в мемуарах как молодой, энергичный, беспокойный казачий генерал, преданный деникинскому командованию, но известный также кутежами и реквизициями. Отмечается большая организаторская роль при нем начальника штаба А. М. Шифнер-Маркевича [22, с. 252]. Преданность Деникину в начале 1920 г. сказала на спаде популярности Шкуро у кубанского казачества. Военный прокурор И. М. Калинин иронически называет его «препрославленным деникинским орлом», «уцелевшим феодалом», получившим «чистую отставку» у Врангеля [23, с. 41]. Сам П. Н. Врангель с возмущением отмечал, что «партизаны полковника Шкуро представляли собой не воинскую часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядом ночью после попойки партизан Шкуро со своими «волками» носился по улицам с песнями, гиком и выстрелами... Все эти безобразия производились на глазах штаба главнокомандующего, о них знал весь город (Екатеринодар. — М. Р.), и в то же время ничего не делалось, чтобы предотвратить этот разврат» [24, т. 1, с. 152—153].

Однако у большей части казаков Шкуро пользовался популярностью: «...между ним и казаками существует особенная и давнишняя, глубокая семейная любовь, основанная на чем-то очень высоком, несомненно, на былых победных днях». Тот же автор, Ф. И. Елисе-ев, говорил и о храбрости шкуровских «волков» [25, с. 277, 383—384, 387, 395, 397].

Как видим, партизанские действия породили определенные стереотипы поведения. А. Гершельман так рассуждал по этому поводу: «Конечно, в этой борьбе, когда даже самое необходимое надо добывать самому, трудно провести грань между реквизицией и военной добычей, с одной стороны, и грабежом — с другой. Поэтому человек со слабыми нрав-

ственными устоями легко переходит эту границу. Недаром здесь грабеж в шутку называют «партизанством» [21, с. 331—332].

Интересно, что многие генералы Добровольческой армии, особенно на стадии ее формирования, были склонны к подобной самостоятельности и «партизанству». М. Г. Дроздовский, например, получил выговор по этому поводу от А. И. Деникина. Однако это вызвало возмущение Михаила Гордеевича. Он откровенно написал в своем рапорте: «не взирая на ... исключительную роль, которую судьба дала сыграть мне в деле возрождения Добровольческой армии, а быть может, и спасения ее от умирания (намек на Ясский поход в начале 1918 г. — М. Р.), не взирая на мои заслуги перед ней, пришедшему к Вам не скромным просителем места или защиты, но приведшему с собой верную мне крупную боевую силу, Вы не остановились перед публичным выговором мне, даже не расследовав причин принятого мною решения» [26, с. 181].

Подобная самостоятельность в дальнейшем (1919—1920 гг.) разными способами пресекалась, и действия «генералов-партизан» становились поэтому особенно заметными, что, в свою очередь, приводило к разрыву с официальным белым командованием.

Сложным остается вопрос о генерале Я. А. Слащеве. Несомненно, Слащев был популярным в войсках, храбрым, молодым, самолюбивым генералом. Однако мемуаристы-эмигранты часто употребляют по отношению к нему негативные эпитеты. Его брошюра «Требую суда гласности и общественного мнения» именуется сочинением «бредового содержания»; действуя в Крыму, он ведет себя как «самоличный диктатор», не считающийся «с какими бы то ни было нормами и с главнокомандующим генералом Шиллингом», жестоко подавляет недовольных («недаром же портовые рабочие в своих частушках пели о том, как “от расстрелов идет дым, то Слащев спасает Крым”») [27, с. 163; 28, с. 356—357].

Приведенные фразы исходят не от военных, а от гражданских мемуаристов-эмигрантов. Но против Слащева, как известно, были настроены и непосредственно в окружении П. Н. Врангеля. Сам Врангель в воспоминаниях, стараясь быть объективным, говорит о Слащеве как о «хорошем строевом офицере», который «с горстью людей, среди общего развала отстоял Крым». Но тут же замечает: «Однако полная, вне всякого контроля самостоятельность, сознание безнаказанности окон-

чательно вскружили ему голову. Неуравновешенный от природы, слабохарактерный, легко поддающийся самой низкопробной лести, плохо разбирающийся в людях, к тому же подверженный болезненному пристрастию к наркотикам и вину, он в атмосфере всеобщего развала окончательно запутался». Слащев в 1920 г. предстает у него как полусумасшедший, опустившийся человек, нуждающийся в психологическом лечении [24, т. 1, с. 460—461; т. 2, с. 22—23, 29, 158, 235].

Сам Я. А. Слащев впоследствии негативно отзывался и о Врангеле, и о его окружении, и о возможности продолжать борьбу в 1920 г. [29, с. 146—148]. В целом же перед нами отчетливый облик Слащева как «генерала-партизана».

Сходными, слишком самостоятельными, фигурами на колчаковском фронте были генералы Р. Гайда и А. Н. Пепеляев.

Следующая большая группа — это руководители белых армий, которых можно обозначить как «генералов-организаторов», «генералов-политиков». Среди них Н. Н. Юденич, Е. К. Миллер, А. И. Деникин, М. В. Алексеев, П. Н. Врангель, М. К. Дитерихс, адмирал А. В. Колчак, Верховный главнокомандующий войсками Уфимской директории В. Г. Болдырев и генерал-губернатор, первый командующий войсками Северной области В. В. Марушевский.

Отношение участников Белого движения к своим руководителям более критичное, нежели к боевым генералам. Исключением, пожалуй, являются только некоторые генералы-основоположники, например, Л. Г. Корнилов и М. В. Алексеев. Поэтому обратимся непосредственно к характерным представителям данной группы: Антону Ивановичу Деникину и Александру Васильевичу Колчаку.

Возглавивший Добровольческую армию, а затем и Вооруженные силы Юга России (ВСЮР), А. И. Деникин, по словам барона П. Н. Врангеля, являлся «одним из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший недюжинными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников» [24, т. 1, с. 170].

Командовавший не только дивизией, но и фронтами, бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего, Деникин приобрел авторитет также как человек, искренне старавшийся остановить в 1917 г. развал фронта, как соратник Л. Г. Корнилова и М. В. Алексеева. Упоминаются его привлекательные че-

ловеческие качества, такие, как «неотразимое обаяние», «прямой, упрямый взгляд, разрешающийся добродушной улыбкой и заразительным смешком». Руководитель Осведомительно-агитационного агентства (ОСВАГ) К. Н. Соколов говорил: «в генерале Деникине я увидел не Наполеона, не героя, не вождя, но просто честного, стойкого и доблестного человека, одного из тех “добрых” русских людей, которые, если верить Ключевскому, вывели Россию из Смутного времени» [30, с. 39].

Вместе с тем поражение ВСЮР, превратившееся в катастрофу повального бегства, наложило свой отпечаток на воспоминания о Деникине. Очень многие участники Белого движения пишут о нем все-таки в критическом ключе. В общении с солдатами отмечается отсутствие той простоты, которая была так характерна для Корнилова. П. Н. Врангель говорил, что внешним обликом напоминая буржуа, Деникин и внутренне сохранял черты «провинциальной, мелкобуржуазной, с либеральным оттенком» среды. Белые пишут также о неизвестности его вне армейских кругов, слабости, неуверенности, неумении справиться с критической ситуацией в конце 1919 г. [15, с. 26, 42; 24, т. 1, с. 170—171; 29, с. 74; 31, с. 14].

Сходной харизмой обладал А. В. Колчак. Эпитеты, применяемые к адмиралу, рисуют его человеком искренним, честным, бескорыстным и прямым. Он, «будучи скромным и строг к себе, отличался добротой и отзывчивостью к другим». Отмечают его достоинства как организатора Черноморского флота, человека, пользовавшегося известностью и популярностью за границей. «Умный, образованный... он блистал в душевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, нисколько не стремясь к тому, очаровать своего собеседника». Кончина Колчака предстает трагическим и мученическим событием, причем подчеркивается стойкость адмирала перед лицом смерти [32, с. 56; 33, с. 87; 34, с. 324; 35, с. 96, 101; 36, с. 9—11].

Сохранившаяся личная переписка Александра Васильевича рисует нам человека мятущегося и разочарованного. 24 июня 1917 г. он пишет о крушении своей мечты о создании сильного военно-морского флота России, с сожалением констатирует тот факт, что его опыт нужен теперь только за границей. Для него характерен своеобразный милитаризм как поиск выхода из сложившейся ситуации развала российской имперской армии и государства: «Война прекрасна, хотя она связана

со многими отрицательными явлениями, но она везде и всегда хороша. Не знаю, как отнесется Она (война. — М. Р.) к моему единственному и основному желанию служить Ей всеми силами, знаниями, всем сердцем и всем своим помышлением» [37, с. 203—204, 247].

Известно, что Колчак был серьезным военным теоретиком со своеобразным для военного мышлением. Однако современный исследователь П. Н. Зырянов справедливо отмечает, что Александр Васильевич никогда не питал патологической вражды к другим культурам и воевал, руководствуясь призванием военного [38, с. 190—194, 351—352].

Вместе с тем мемуаристы указывают на множество негативных черт адмирала-правителя. Авторы из его непосредственного окружения говорят об «исключительно военной», морской психологии Колчака, неумении управлять через министров, незнании сухопутного военного дела. Отрицательной чертой выступает доверчивость адмирала и связанная с ней уступчивость, подверженность влияниям различных борющихся группировок. Желание быть твердым эволюционирует в негибкость, особенно по вопросам, связанным с национальным самоопределением бывших западных окраин Российской империи. Участники Белого дела на Севере и Северо-Западе критикуют Александра Васильевича за то, что он не признавал отделения Эстонии и Финляндии, в результате чего отношения белых с этими ранее дружественными для них странами испортились [31, с. 67, 122—123, 127—128; 39, с. 145—146, 171—172; 40, с. 334; 41, с. 185, 191, 274].

Таким образом, белые мемуаристы не только подчеркивают личные достоинства, военные качества «генералов-политиков», но и указывают на их бессилие справиться с задачей спасения России от большевизма.

В реальности отношение к руководителям было еще сложнее. Например, А. В. Колчак, судя по отзывам, пользовался популярностью в боевом офицерстве, и критика его исходит, в основном, из правительственных, тыловых кругов (иногда и от деятелей Народной армии Комуча). Командующий же Северо-Западной армией Н. Н. Юденич, напротив, был непопулярен и в генералитете, и среди рядовых фронтовиков, поскольку практически не являлся в действующую армию, не мог организовать помощь союзников и порядок в тылу.

Впрочем, белые армии, со свойственной военным дисциплиной, практически всегда признавали над собой руководство официаль-

но провозглашенных главнокомандующих и правителей. Мятежные «генералы-партизаны» из этой системы выдавливались.

Одновременно с непосредственными военно-политическими лидерами отметим многочисленный генералитет, исполнявший политические, военно-координационные и тыловые функции. Многие из этих генералов также пользовались известностью: председатель «Особого совещания» А. С. Лукомский, командующий войсками Новороссийской области Н. Н. Шиллинг, начальник штаба Добровольческой армии И. П. Романовский, военный министр Временного Сибирского правительства и военный губернатор Одессы А. Н. Гришин-Алмазов, военный губернатор Ставрополя и Северо-Западной области П. В. Глазенап, генерал-квартирмейстер штаба главкома ВСЮР Ю. Н. Плющик-Плющевский, военный министр и начальник штаба армии Всероссийского правительства Д. А. Лебедев и др.

В адрес перечисленных генералов также звучало большое количество обвинений. Например, Гришин-Алмазов традиционно критиковался за своеволие, своеобразную «манию величия», И. П. Романовский, по основной версии, вообще был убит своими же, как один из главных виновников поражения деникинской армии.

Наконец, среди «генералов-политиков» особое место занимают *атаманы казачьих войск*. Вопрос о том, были ли казачьи выступления частью Белого дела или все-таки представляли собой отдельное движение, вызывает споры в современной историографии. Слишком велика специфика требований и поведения казачьих войск, основанных на стремлении к самостоятельности, даже независимости. Эта особенность создавала ситуации, когда часть казачьих лидеров становилась в оппозицию «классическому» Белому движению, т.е. высшему генералитету и офицерству неказачьего происхождения. Оппозиция приводила к ярким конфликтам, таким, как конфликт П. Н. Краснова и А. И. Деникина, Г. М. Семенова и А. В. Колчака, Кубанской рады и деникинского режима. Поэтому и оценка атаманов у участников Белого движения неоднозначна.

Видные атаманы рассматриваемого периода: донские атаманы А. М. Каледин, П. Н. Краснов, А. П. Богаевский; кубанский атаман А. П. Филимонов; атаман Сибирского войска — П. П. Иванов-Ринов; Оренбургского — А. И. Дутов; Забайкальского — Г. М. Семенов; Семиреченского — Б. В. Анненков и др.

Все они подвергались критике либо за сепаратизм, вплоть до предательства (П. Н. Краснов, П. П. Иванов-Ринов), либо за мягкотелость и следование в фарватере белых правительств (А. П. Филимонов, А. П. Богаевский).

В качестве характерных примеров приведем Петра Николаевича Краснова и Африкана Петровича Богаевского, последовательно сменивших друг друга на посту атамана войска Донского.

П. Н. Краснов, ставший руководителем казачества после самоубийства Каледина, вел самостоятельную политику, стараясь выделить Дон в качестве независимой территории, ища союзников для борьбы с большевиками в Добровольческой армии и у немцев. В дальнейшем именно подчеркнутая независимость привела его к конфликту с деникинским командованием и смещению с поста атамана. По мнению генерала А. Г. Шкуро, это был человек «широкого и разностороннего образования, громадной трудоспособности и железной воли. Он вел Дон твердой рукой. Организовав многочисленную, прекрасно вооруженную, экипированную и стройную Донскую армию, Краснов освободил от большевиков всю территорию Дона, а также часть Богучарского уезда Воронежской губернии». Однако далее он отмечает, что Краснов страдал «значительной манией величия», «отнюдь не намерен был признавать приоритета генерала Деникина и не упускал случая это демонстративно проявлять» [4, с. 111]. Тот же Деникин рисует Краснова талантливым, но самовлюбленным деятелем, который сам создавал себе врагов [3, кн. 3, с. 103, 104, 111].

В то же время преемника Краснова, А. П. Богаевского, даже Врангель называет «мягким человеком», «послушным орудием ставки» [24, т. 1, с. 181]. Едко характеризует Богаевского и военный прокурор И. М. Калинин, называя его «неудачным вождем», который «в начале 1920 года превратился в деникинское приживальщика и не стеснялся своей лакейской роли» [23, с. 23].

Очевидно, что приведенные характеристики субъективны. Понятно, что Краснову удалось обеспечить независимость Дона от советской власти, а Богаевскому — прочный союз донской кавалерии с Добровольческой армией.

Итак, выделенные типы лидеров можно охарактеризовать следующим образом:

1. «Белые воины», «белые рыцари» — это военачальники, непосредственно участвовавшие в боях, пользовавшиеся любовью и уважением своих подчиненных;

2. «Генералы-партизаны» — это популярные в воюющей армии военачальники, стремившиеся к самостоятельности, что приводило к разрыву с белым командованием;

3. «Генералы-политики», «генералы-организаторы» — это военные руководители белых армий и правительств. К этой же группе следует отнести и казачьих атаманов.

Существуют между тем высказывания о белых генералах со стороны деятелей Временного правительства и представителей советской власти. Обращение к ним позволяет дополнить характеристики белых лидеров «образом врага» — взглядом со стороны враждебного лагеря. Осознание этого «образа» поможет разъяснить некоторые запутанные историографические вопросы. Например, насколько однозначной была оценка белых лидеров в советской мемуаристике?

Деятели Временного правительства и перешедшие на сторону красных царские генералы дают подробную характеристику Л. Г. Корнилову, М. В. Алексееву, А. И. Деникину, А. М. Драгомирову, П. Н. Краснову, М. К. Дитерихсу, С. Л. Маркову.

В. Б. Станкевич, будучи «одним из довереннейших сотрудников А. Ф. Керенского» [42, с. 588], признавал за Л. Г. Корниловым почти все личные и военные качества, отмеченные белыми, однако сомневался в его умении «подобрать себе сотрудников», «наладить административную сторону дела». Он же упоминает и не совсем понятную для гражданского деятеля политическую платформу генерала: с одной стороны, выступление на словах и деле против царского режима, с другой — недоверие к народу [43, с. 120—121]. Впрочем, взгляды Станкевича на народ и границы его свободы в 1917 г., в свою очередь, весьма специфичны.

Еще более резки в оценках генералы, перешедшие на сторону красных. Уже А. А. Брусилов ставит под сомнение военные таланты Корнилова: «Считаю, что этот безусловно храбрый человек сильно повинен в излишне пролитой крови солдат и офицеров. Вследствие своей горячности он без пользы губил солдат, а провозгласив себя без всякого смысла диктатором, погубил своей выходкой множество офицеров». Стараясь понять Корнилова, он говорит о нем, как о несомненном патриоте, но человеке «сумасбродном», поверхностном, «и теперь, когда он давно погиб, я могу только сказать: “Мир праху его”, как и всем, подобным ему, пылким представителям нашей бывшей России. От души надеюсь, что

русские люди будущего сбросят с себя подобное вредное сумасбродство, хотя бы и руководимое любовью к России» [44, с. 244—245].

В. Б. Станкевич дает оценку и А. И. Деникину, считая, что тот был «олицетворением трагедии русской армии». Видя в 1917 г. распадающуюся армию, Антон Иванович «ищет конфликта [с правительством], он старается быть резким, он отводит душу горьким, хотя часто заведомо бессильным словом. Каждый приезд Керенского в Минск был поводом для несдержанного выражения мнения. Чуть ли не каждую неделю в Петроград шли телеграммы с провокационно-резкими нападками на новые порядки в армии — именно нападки, а не советы...» [45, с. 32]. В. Б. Станкевич подчеркивает «узкое военное» мышление Деникина, а А. Ф. Керенский в своих воспоминаниях обращает внимание на тот факт, что критиковавший до революции армейские порядки А. И. Деникин, в ходе революции, «не признаваясь себе в этом, принялся всю идеализировать прошлое» [46, с. 268].

Серию самых отрицательных характеристик деятелям Белого движения дает М. Д. Бонч-Бруевич. Большинство белых генералов, по его мнению, это не только «бесталанные», но и лично неприятные люди, обладающие странностями и пороками. Так, А. И. Деникин выступает карьеристом и «не очень чисто играющим» картежником; М. В. Алексеев — «хитрейшим из царских генералов», который внешне был похож «своими маленькими глазками, носом картошкой и седыми, но все еще лихо закрученными усами на выслужившегося фельдфебеля». Сходные оценки даются А. М. Драгомирову, Л. Г. Корнилову, П. Н. Краснову, М. К. Дитерихсу. Последний рисуется как помешанный на религии, психически больной человек, оказавший негативное воздействие на генерала Н. Н. Духонина и повлиявший на трагический исход его судьбы [47, с. 29, 42—43, 142—143, 156—157, 163, 178, 183—184].

Похожие характеристики Л. Г. Корнилову, М. В. Алексееву, С. Л. Маркову дает другой царский генерал, служивший большевикам — А. А. Самойло [48, с. 42—43, 67, 133—134, 177—178]. Однако, негативно оценивая Корнилова и Маркова, А. А. Самойло подробнее останавливается на личности генерала М. В. Алексеева: «Это был простой и прямой человек, у которого слова не расходились с делом. Он обладал глубокими теоретическими и, главное, практическими знаниями в воен-

ном деле... Алексеев отличался большой трудоспособностью, был несловохотлив и скромн. К отрицательным сторонам его надо отнести малое знакомство с внутренней жизнью страны, в особенности с политической борьбой, слепую приверженность самодержавию» [48, с. 177—178].

Интересна оценка А. В. Колчака председателем Следственной комиссии по его делу К. А. Поповым, который подчеркивал «политическое ничтожество» адмирала: «Он — политически безличная фигура. Он — простая игрушка в руках держав Антанты. У него, с его голой идеей военной диктатуры и скрытой мыслью восстановления монархии, нет никакой политики, кроме той, которая диктуется ему противоречивыми влияниями и этих держав, и окружавших его групп и группочек военщины и торгово-промышленных кругов...». К. А. Попов отмечал, что адмирал «держался, как военнопленный командир проигравшей кампанию армии, и с этой точки зрения держался с полным достоинством», не унижался. Однако «политическая ничтожность» Колчака, по его мнению, только подчеркивала узкое, чисто военное мышление этого руководителя белых — одного из последних представителей имперского милитаризма [49, с. 62].

Таким образом, в сознании своих противников белые генералы наделялись узковенным мышлением, слабым пониманием политической ситуации, наличием как отрицательных, так и положительных личностных качеств. Последние связаны, как правило, с офицерскими доблестями: стойкость, презрение к опасности, ум, выражающийся в знании военного дела.

Красные мемуаристы, конечно, намеренно искали самые негативные черты во внешности, психологии белых, старались привлечь любые слухи, чтобы подчеркнуть необходимость борьбы с этими людьми. Несмотря на сомнительность большинства таких оценок, исследование их полезно для сравнительного изучения. Думается, что противоречивая, но, в общем, негативная характеристика белых лидеров их противниками, подчеркивает и обратную сторону — идеализацию Белого движения современной историографией. Поэтому сравнительное изучение Белого и Красного движений является сейчас одной из самых интересных и слабоизученных тем истории Гражданской войны. Данная работа поможет разобраться в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белое движение. Исторические портреты : Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель... / сост. А. С. Кручинин. — М., 2006.
2. Разиньков М. Е. Лидеры Белого движения глазами его участников : к вопросу о самооценке Белого дела / М. Е. Разиньков // Личность в истории. Личность историка : тез. Второй регион. науч. конф. (Воронеж, 1 февраля 2008 г.) / под ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж, 2008.
3. Деникин А. И. Очерки русской смуты / А. И. Деникин. — М., 2006. — Кн. 2—3.
4. Шкуро А. Записки белого партизана / А. Шкуро // Трагедия казачества / сост. В. Третьякова. — М., 1996. — Т. 1.
5. Вирен Р. Э. Разъезд Базовая / Р. Э. Вирен // Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа / сост. С. В. Волков. — М., 2002.
6. Дроздовский М. Г. Дневник / М. Г. Дроздовский // Белое дело : добровольцы и партизаны. — М., 1996. — Т. 7.
7. Вырыпаев В. О. Каппелевцы / В. О. Вырыпаев // Восточный фронт адмирала Колчака / сост. С. В. Волков. — М., 2004.
8. Мейбом Ф. Тернистый путь / Ф. Мейбом // Великий Сибирский ледяной поход / сост. С. В. Волков. — М., 2004.
9. Петров П. Зима 1919 — 1920 г. / П. Петров // Великий Сибирский ледяной поход / сост. С. В. Волков. — М., 2004.
10. Петров П. П. Памяти В. О. Каппеля / П. П. Петров // Каппель и каппелевцы / под ред. В. Ж. Цветкова. — М., 2003.
11. Лукомский А. С. Воспоминания / А. С. Лукомский // Белое дело. — М., 1993. — Т. 1.
12. Богаевский А. П. 1918 год / А. П. Богаевский // Белое дело. — М., 1993. — Т. 2.
13. Филимонов А. П. Кубанцы / А. П. Филимонов // Белое дело. — М., 1993. — Т. 2.
14. Пауль С. М. С корниловцами / С. М. Пауль // Белое дело. — М., 1993. — Т. 2.
15. Гуль Р. Б. Ледяной поход / Р. Б. Гуль // Гуль Р. Б. Ледяной поход. Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. 1918—1919 годы. — М., 1990.
16. Барон Г. Кистер. История Талабского батальона / Барон Г. Кистер // Белая борьба на Северо-Западе России / сост. С. В. Волков. — М., 2003.
17. Юденич А. Воспоминания / А. Юденич // Белая борьба на Северо-Западе России / сост. С. В. Волков. — М., 2003.
18. Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России / В. Горн // Деникин—Юденич—Врангель / сост. С. А. Алексеев. — М. ; Л., 1927.
19. Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии / А. П. Родзянко // Белая борьба на Северо-Западе России / сост. С. В. Волков. — М., 2003.

20. Иванов Н. Н. О событиях под Петроградом в 1919 г. / Н. Н. Иванов // Юденич под Петроградом : из белых мемуаров / под ред. П. Е. Щеглова. — Л., 1927.
21. Гершельман А. В рядах Северо-Западной армии / А. Гершельман // Белая борьба на Северо-Западе России / сост. С. В. Волков. — М., 2003.
22. Штейфон Б. А. Кризис добровольчества / Б. А. Штейфон // Белое дело. — М., 1996. — Т. 7.
23. Калинин И. М. Под знаменем Врангеля / И. М. Калинин // Белое дело. — М., 1993. — Т. 12.
24. Врангель П. Н. Записки. Ноябрь 1916 — ноябрь 1920 г. / П. Н. Врангель. — Минск, 2003. — Т. 1—2.
25. Елисеев Ф. И. С хоперцами / Ф. И. Елисеев // Дневники казачьих офицеров / сост. П. Н. Стрелянов (Жалабухов). — М., 2004.
26. Дроздовский и дроздовцы / сост. Р. Г. Гагкуев. — М., 2006.
27. Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917—20 гг. / В. М. Краснов // Архив русской революции. — М., 1991. — Т. 11.
28. Раковский Г. Н. В стане белых / Г. Н. Раковский // Белое дело. — М., 2004. — Т. 9.
29. Слащёв-Крымский Я. А. Крым, 1920 г. / Я. А. Слащёв-Крымский // Гражданская война в России : оборона Крыма / отв. ред. А. Н. Поляков. — М. ; СПб., 2003.
30. Соколов К. Н. Правление генерала Деникина / К. Н. Соколов // Белое дело. — М., 1992. — Т. 2.
31. Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири / Д. В. Филатьев // Гражданская война в России : катастрофа Белого движения в Сибири / сост. А. Смирнов. — М. ; СПб., 2005.
32. Сахаров К. Великий Сибирский ледяной поход / К. Сахаров // Великий Сибирский ледяной поход / сост. С. В. Волков. — М., 2004.
33. Сахаров К. Белая Сибирь / К. Сахаров // Восточный фронт адмирала Колчака / сост. С. В. Волков. — М., 2004.
34. Смерть адмирала Колчака. Сообщение контр-адмирала М. Смирнова // За спиной Колчака / под ред. А. В. Квакина. — М., 2005.
35. Лейтенант Н. Н. Записки белогвардейца / Лейтенант Н. Н. // Архив русской революции. — М., 1991. — Т. 10.
36. Гинс Г. К. Впечатления и мысли члена «Омского правительства» / Г. К. Гинс // Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни / сост. Г. В. Егоров. — Барнаул, 1991.
37. «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» : переписка А. В. Колчака и А. В. Тимиревой / сост. Т. Ф. Павлова [и др.]. — М., 1996.
38. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России / П. Н. Зырянов. — М., 2006.
39. Гоппер К. Начало и конец Колчака / К. Гоппер // Гражданская война в России : катастрофа Белого движения в Сибири / сост. А. Смирнов. — М. ; СПб., 2005.
40. Гинс Г. К. Крушение колчаковщины / Г. К. Гинс // Гражданская война в России : катастрофа Белого движения в Сибири / сост. А. Смирнов. — М. ; СПб., 2005.
41. Будберг А. Дневник. 1918 — 1919 годы / А. Будберг // Гуль Р. Б. Ледяной поход. Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. 1918 — 1919 годы. — М., 1990.
42. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева. — М., 1996.
43. Станкевич В. Б. Мятёж Корнилова / В. Б. Станкевич // Мятёж Корнилова : из белых мемуаров. — Л., 1928.
44. Брусилев А. А. Мои воспоминания / А. А. Брусилев. — М., 1983.
45. Станкевич В. Б. На фронте и в Ставке накануне мятежа Корнилова / В. Б. Станкевич // Мятёж Корнилова : из белых мемуаров. — Л., 1928.
46. Керенский А. Ф. Россия на историческом переломе : мемуары / А. Ф. Керенский. — М., 1996.
47. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания / М. Д. Бонч-Бруевич. — М., 1957.
48. Самойло А. А. Две жизни / А. А. Самойло. — Л., 1963.
49. Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни / сост. Г. В. Егоров. — Барнаул, 1991.

Воронежская государственная лесотехническая академия

*Разиньков М. Е., кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры истории, политологии, культурологии
razinkov_mihail@mail.ru
Тел.: (7 4732) 53-72-91*

*Voronezh State Forest Engineering Academy
Razinkov M. E., Candidate of the Historical Science, Assistant of History, Politics and Culturology
razinkov_mihail@mail.ru
Tel.: (7 4732) 53-72-91*